

ПОИСКИ СИСТЕМЫ

I. Признавая системность языка, до сих пор нередко подменяют его этимологическую систему системой самих обозначаемых реалий. За пример системы наивно принимают этимологические работы, в которых материал отобран тематически (наименования растений, или птиц, или бабочек), но ничем не объединен этимологически и каждое слово рассмотрено изолированно. В таком случае непонятен сам выбор слов — это интерес ботаника, орнитолога или энтомолога, а не лингвиста. Если названия птиц не представляют никакой языковой общности, то почему исследователь взял только их, а не все слова в том же алфавитном порядке? Не одно и то же система терминов родства и система самих отношений родства.

Ф. П. Филин предложил отличать тематические ряды слов от лексико-семантических: «Отношения между словами в тематических группах строятся только на внешних отношениях между понятиями... Иное дело лексико-семантические группы слов, представляющие собою внутреннее, специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития»¹. Как пример лексико-семантических групп он приводит синонимические и антонимические ряды. Действительно, они всего отчетливей выражают внутриязыковую, собственно-языковую связь слов. Но не только они! Они — лишь частный случай.

Подменять систему слов системой реалий значит игнорировать внутренние законы языка, который лишь как целостная система отражает действительность: наименование соотносено не с объектом непосредственно, а с системой языка и только через нее — с объектом. Слово, взятое вне системы языка, бессмысленно.

II. Слово никогда не возникает вне ряда. Каждое слово имеет своих предшественников. Даже целиком выдуманное в XVIII в. слово *газ*, как замечали, напоминает *Geist* 'дух', может быть неосознанно для творца слова. Родившееся на наших глазах слово *космонавт* не могло бы образоваться, не будь до него слов *космос* и *аэронавт*.

¹ Ф. П. Филин. О лексико-семантических группах слов. «Языковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов». София, 1957, стр. 529.

Ряд — еще не система. Система — организация более высокого порядка, чем ряд. Она — отношение между рядами, ряды рядов.

Слово возникает лишь на пересечении рядов (в плане семантическом или формальном). Этимология — не что иное, как отысканье этих координат.

Если потомки утратят этимологические источники современных слов *теплоход*, *электровоз*, то этимологи будущего по текстам смогут построить таблицу:

<i>паровоз</i>	<i>тепловоз</i>	<i>электровоз</i>	—	—	—
<i>пароход</i>	<i>теплоход</i>	<i>дизельэлектрoход</i>	<i>атомоход</i>	—	—
—	<i>теплосеть</i>	<i>электросеть</i>	—	—	—
<i>парильня</i>	—	—	—	<i>спальня</i>	—
—	<i>теплица</i>	—	—	—	<i>светлица</i>

Таблица не замкнута, она далеко продолжается и по оси абсцисс, и по оси ординат. Каждому ясно пересечение рядов, рождающее новое слово из двух основ. Но точно так же координатны образования из основы с формантом, не обладающим самостоятельным лексическим значением (*-ица*, *-льня*). Так, этимология *читальня* — пересечение ряда *чит-* (*читать*, *читатель*) и ряда *-льня* (*спальня*, *красильня*).

Не все ячейки таблицы заполнены: язык реализует лишь ничтожную долю своих возможностей. Его избыточность, в частности словообразовательная, грандиозна. Но в ней — неисчерпаемые внутренние резервы языка, обеспечивающие его непрерывное развитие. Русский, даже никогда не слыхавший слова *купальня*, не только поймет его, а и легко его образует при надобности, зная ряды *купать*, *купаться* и *спальня*, *парильня*. В будущем, когда техническая терминология станет не стихийной, а планомерной, подлинно научной по своему построению, ее система сможет предсказывать изобретенья, как периодическая система Менделеева предсказывает открытие химических элементов.

Ряды изменчивы. Различна судьба слов, возникших в одном ряду: одни отмерли, другие перешли в иной ряд (по значенью или по форме) — например, индоевропейские основы на *-и-*. Ряд распался. Возникают новые ряды. На наших глазах образовался мощный по употребительности русский лексический ряд: *колхоз*, *совхоз*, также *лесхоз*, *учхоз* и др. Втягивание в иные ряды перераспределяет прежние ряды.

Сложность анализа этимологии как системы ясна даже на простейшем примере. В латинском языке *axis* означало и 'ось', и производно 'земную ось', соответственно *polus* — и 'конец оси', и производно 'полюс' ('конец земной оси'): вторичные значенья воспроизводят отношения первичных значений. Русский язык со-

хранил ту же индоевропейскую основу для значения 'ось', для обозначения земной оси использовал ее же как кальку, добавив уточняющее определенье, а *polus* заимствовал лишь в новом значении. Из четырех сторон квадрата, образованного этими словами в латинском языке, в русском языке налицо лишь одна.

Смена ряда резче при межъязыковом заимствовании, как преломление луча при переходе из одной среды в другую.

Языки	Значения			
	'лев'	'лось'	'слон'	'верблюд'
Греч.			ἐλέφας	
Лат.			<i>elephantus</i>	
Готск.				<i>ilbandus</i>
Тюркск.	<i>arslan</i>			
Русск.		слон	слон	верблюд

Но те же самые процессы происходят и внутри одного языка. Как перераспределяются семантические ряды, показывает судьба русских слов *добрый* и *худой*: возникшие в разных рядах, они на каком-то этапе оказались антонимичны в значениях 'хороший' и 'плохой', затем произошло переразложение семантического ряда: *добрый* сегодня противопоставляется *злому*, а значение 'хороший' отступило (реликтивно сохраняется в словосочетаниях *добрый день*, *добрый конь*), то же произошло с *худой*, вошедшим в иную антонимичную пару *полный* 'толстый' — *худой* 'тонкий'. Так, встретясь на какое-то время, *добрый* — *худой* снова разошлись далеко.

В современном болгарском старый суффикс *-ар*, образующий *nomina agentis*, зажил новой кипучей жизнью: в сельскохозяйственных кооперативах многочисленны *воловар*, *коняр*, *бикар*, *телчар*, *зайчар*, *ягнар*, *жребчар*. Но одновременно ушли из языка старые *свинар* и *кокошкар* (*кокоши* 'куриный'): *свинар* означало самого бедного человека в деревне — таким и был свинопас; *кошкар* 'мелкий ворюшка' ('курокрад'). Поэтому образования на *-ар* не смогли занять этих мест ряда и вместо них образовались *свиневъд*, *птицевъд*². Этот пример раскрывает причину переразложения семантического ряда: произошло смещение значений 'по боковой оси' (*свинар* 'свинопас' > 'самый бедный'). Этим объясняются и приведенные сдвиги при межъязыковых переходах.

Так как ряд — не капризная случайность, а закон формирования слов, то естественно, что при утрате ряда сознание говорящих стремится восполнить образовавшийся разрыв, поды-

² Стойко Стойков. Българска диалектология. София, 1956 (ротанпринт), стр. 146.

скав слову ряд, хотя бы и мнимый. Так рождаются «наивные этимологии». Позже в противоположность научным их без всяких оснований наименовали народными. В древнем Риме их называли бычьими (etymologia bovina).

При наивной этимологии порой подбирался ряд не для корня (который оставался «без значения»), а для формальных элементов — словообразовательных или грамматических: так образовалось русское слово *зонт* из *зонтик* — голландск. *zonnedeck* ('солнце' и 'покрышка'), переразложенного на мнимую основу *зонт* и русский суффикс *-ик*. Но это то же самое, как русский показатель женского рода *-а* в *лампа* из нем. *Lampe*. Значит, не переосмысленьем самим по себе продиктовано это, а законом ряда. Само переосмысленье — лишь одно из проявлений этого закона.

III. Развитие лексики сводимо к двум процессам: 1) изменение значения существующего слова без формальных изменений его (слово *совет* в значении 'орган власти' — в плане формальном «нулевое» словообразование, «собственно семантическое», по В. В. Виноградову³; 2) возникновение нового слова из наличных материалов данного языка (*бедный* из *беда* или *колхоз* из *коллективное хозяйство*). С точки зрения каждого отдельного языка есть иной путь: заимствования из других языков. Установить заимствование достаточно для этимологии слова в рамках этого языка. Но там, где слово возникло, оно возникло как результат одного из двух названных процессов.

Сравнительная сила внутренних процессов или заимствования различна для разных разделов лексики. Различна и степень устойчивости разных лексических групп. В русском языке все количественные числительные от 1 до 10 имеют те же самые основы, как и в болгарском, а из десяти прилагательных, обозначающих цвет, одинаковы для обоих языков только пять. Предлагаемая таблица сопоставляет 13 пар родственных языков — и в каждой паре числительные гораздо устойчивей «цветовых» прилагательных:

Пара родственных языков	Общие основы	
	количественные числительные 1—10	«цветовые» прилагательные
Русский — болгарский	10	5
Русский — чешский	10	6
Болгарский — чешский	10	7
Таджикский — курдский	10	5
Таджикский — осетинский	6	1

³ В. В. Виноградов. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии. «Вопросы теории и истории языка . . .» М., 1952, стр. 146.

	количественные числительные 1—10	«цветовые» прилагательные
Курдский — осетинский	6	2
Литовский — латышский	10	5
Башкирский — чувашский	9	6
Башкирский — азербайджанский . .	10	5
Чувашский — азербайджанский . .	7	3
Финский (суоми) — эрзянский . . .	9	1
Финский (суоми) — удмуртский . .	6	0
Эрзянский — удмуртский	6	2

Два ряда слов отражают разные ступени развития языка — числительные, как ряд, складываются гораздо раньше, чем цветовая гамма прилагательных, и устойчивей удерживаются. Кроме этимолога, знание таких существенных различий обязательно для глоттохронолога, пытающегося строить далеко идущие выводы на статистике лексических расхождений⁴.

Исследователей глоттогенеза особенно привлекали термины родства, признанные наиболее исконными. Но термины родства выражают не столько биологические отношения, сколько отношения социальные (ср.: отцовство при матриархате, при групповом браке патриархата и в современной парнобрачной семье). Термины родства, отражая общественные отношения, содержат немало заимствований, отражающих заимствование самих отношений.

Максимальны заимствования среди наименований предметов материальной культуры. Их этимологии чаще всего надо искать не генетически, а ареально — в соседних языках.

Характерный пример — наименования лодки. Их этимологическая группировка перекрестна с генетической группировкой языков. Вот небольшой фрагмент языковой карты лодка:

И р а н с к и е   я з ы к и

Тадж. *каиқ*   Тадж. *кема*
Афган. *кайук*   Осет. *чема*
Курдск. *qeig*

Т ю р к с к и е   я з ы к и

Тур. *кауік*   Чув. *кимё*
Тат. *кэмэ*
Тув. *хеме*

— одна основа свойственна некоторым тюркским языкам и некоторым иранским, а другая основа также объединяет иранские и тюркские. Основа *каиқ* распространена от индонезий-

⁴ Отношение автора к глоттохронологии изложено в его работе «Консонантный коэффициент», опубликованной в LP, VIII. Познань, 1960.

ского языка до палеоазиатских, ее знают русские диалекты Дона и Оби.

П. Я. Черных отмечал, что наименования головных уборов в русском языке не славянского происхождения: старшие заимствования — *шапка*, *колпак*; поздние — *фуражка*, *шляпа*, *картуз*, *кепка*⁵.

Этимологическая общность вскрывает исторический ареал, связывавший различные народы в древности, таково большинство именованных металлов.

IV. Возможны три аспекта этимологического исследования (неудачно называемые методами):

1) генетический, наиболее разработанный — установление родства слов, например 'зима' — лат. *hiems*, греч. *χεῖμα*, санскр. *hītmā* (все с тем же значением);

2) ареальный (именуемый еще маргинальным) — исследование перекрестных межъязыковых влияний, например 'стекло' — тат. *пыяла*, башк. *быяла*, морд. *пияла*.

Правомерно говорить в этом смысле о «поволжских этимологиях», «кавказских этимологиях»⁶, хотя в аспекте генетическом такое понятие либо бессмысленно, либо ошибочно. Однако, находя ареальную этимологию, нередко трудно решить, обязана ли она действительно соседству или унаследована из языка-субстрата, т. е., по существу, генетична.

Помимо этого, ареал распространения исключительно важен даже при установлении этимологии генетической (это учли составители новейших этимологических словарей);

3) типологический, наименее разработанный и поэтому требующий предварительных замечаний. Этимология имеет дело и с типами в плане семантическом, и с типами в плане формальном, смешивать их нельзя. Сам термин *тип* разменяли и обесценили, превратив в обозначение любой мельчайшей группы.

Есть этимологические явления, необъяснимые ни генетиче-

---

⁵ П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, стр. 78.

⁶ Интереснейшие зональные явления отметил В. Н. Топоров в Восточных Альпах на стыке трех языковых ветвей: в резьянских говорах словенского языка, в говорах верхнеалеманских и в ретороманских развились сложные многоэлементные предлоги (модель «туда наружу вверх»). К сожалению, он спешит объяснить эту примечательную общность... гористостью! Нет никаких оснований выводить языковой факт непосредственно из природных условий. Ведь тут же приведены другие убедительные параллели, объединяющие резьянские, верхнеалеманские и ретороманские говоры: например, некоторые наречия, употребляемые после глагола в качестве отделимых глагольных приставок, как и соответствия других черт (В. Н. Топоров. *Slovenica*. — ВСЯ, вып. 4. М., 1959, стр. 98—99), которые немисливо объяснять пересеченной местностью. Причина ареальных этимологий не в однородности рельефа, а в длительном общении соседних языков, породившем калькирование моделей и другие соответствия.

ски ни ареально и понятные лишь типологически. Значения 'лес' и 'гора' в весьма различных языках оказываются «чередующимися» (уместно воспользоваться термином исторической фонетики): болгарское слово *гора* означает 'лес' (при значении 'гора' в других славянских языках); немецкое *Wald* 'лес' в составных топонимах (*Шварцвальд* и др.) обозначает горы; общетюркская основа *таг* 'гора' означает в якутском языке 'лес' — *тыя*. Едва ли такие параллели рождены родством или соседством. Объединенные в русском языке одним звуковым комплексом *игла* 'шипы растений, колючки животных и швейный инструмент' в финском-суоми выражены словами от трех разных основ, в кабардино-черкесском *банэ* обозначает колючки и животных, и растений (игла-инструмент — *мастэ*), а в чувашском *йеп* объединяет все три значения, как и в русском, хотя нет оснований подозревать кальку с русского.

Генетический, ареальный и типологический аспекты этимологического исследования не конкурируют друг с другом. Каждый из них решает свои задачи, и ни один из них не вправе претендовать на монополию. Отдельное же исследование может совмещать их или ограничиться одним из них.

V. Слово — единство значения и формы. Если значения различны, значит, это уже не одно и то же слово. С другой стороны, строго говоря, нельзя одно слово произнести дважды: повторенье чем-то отличается фонетически и семантически, хотя бы неуловимо. Существует, следовательно, диапазон существенных различий, вне которого всю массу различий говорящий как бы не замечает. Границы между существенными и несущественными различиями не резки. Но в речевой реальности статистически малозначительны пограничные случаи, требующие уточнения.

В слове всегда едины формальный и семантический планы. Существенное изменение одного означает уже новое слово. Но единство — не тождество. Значения и формы на протяжении всего существования языка развили свои внутренние закономерности. Следовательно, они не изоморфны. Система значений и система форм не накладываются одна на другую однозначно. Русский язык выражает принадлежность и суффиксами, и родительным падежом, и причастным оборотом, а родительный падеж выражает, кроме принадлежности, еще два десятка значений.

При этом обнаруживается не только процесс расхождений формальной и семантической систем, а и тенденция установить системную связь между ними. Если в современном русском языке (как и во многих других языках) формальная система грамматического рода, некогда выражавшая семантическую систему, давно уж не адекватна никакой семантической системе, то, наоборот, в особый лексический разряд складываются

географические названия, приобретая некоторую формальную общность (существительное в именительном падеже, тогда как исторически функции топонимов выполняли и предложные формы косвенных падежей: «в дубках», «у млына»).

Поэтому необходим поиск этимологической системы как внутри каждого из обоих планов, так и в пересекающей их плоскости отношений между ними.

VI. В плане формальном, кроме измененья значения при неизменной форме (упоминавшийся пример *совет* в значении 'орган власти'), возможны два пути возникновения нового слова:

1) разнообразные формальные изменения — фонетические (Umläut, метатеза ударения и др.), аффиксация (префикс, суффикс, инфикс), «грамматическое» словообразование, т. е. смена грамматической формы слова без каких-либо внешних изменений (именно сюда, а не к «семантическому словообразованию» принадлежит, например, английская конверсия, так как перемещение из одной части речи в другую — формальное изменение, хотя «внешне», фонетически, не выраженное);

2) словосложение во всех его видах (частный случай — удвоенье основы); сюда же, по-видимому, относится и выделенное В. В. Виноградовым «синтаксическое словообразование».

Могут ли эти пути сочетаться в одном акте словообразования? Оба пути формальных изменений, по-видимому, сочетаемы, и это отличает их от «собственно семантического» словообразования (формально «нулевого»). Если даже отказаться от практически удобного определения слова как промежутка между двумя пробелами и признать словом сочетание *железная дорога*, все же прилагательное *железнодорожный* образовано явно сочетанием обоих путей, так как нет слова *железнодорога*. Сочетания разновидностей внутри одного пути общеизвестны (например, частые в славянских языках префиксально-суффиксальные образования — *заречье*; не смешивать с более частым процессом образования — *заманчивый*, где префиксация и аффиксация одновременны).

Выбор того или иного пути, модели и средства в разных языках различен. В немецком властно господствует словосложение, хотя развита и аффиксация; в славянских, безусловно, преобладает аффиксация; тюркским языкам чужда префиксация, в полинезийских излюблено удвоенье и т. д. Однако можно видеть и некоторые типологические черты, общие для самых различных языков. Так, удвоение основы для усиления или выражения множественности, повторности используют столь далекие друг от друга языки (хотя и неравномерно), что исключена генетическая или ареальная причина самой общности.

Этимологические исследования преимущественно занимались основами, а часто и ограничивались ими, пренебрегая формой, тогда как в действительности этимология слова чаще всего

обязана именно формальным изменениям, которые несут не меньше информации, чем основа. Как можно обойтись только этимологией основы в словах *белый, белка, белье, белуга, белесый, белизна, беляк, белой, беляна, бельмо, белила* и мн. др.?

Формальные элементы словообразования образуют мощные по употребительности ряды, которые вступают в определенные отношения и между собой, и с другими формальными рядами (например, с грамматическими категориями рода, частей речи), и с рядами семантическими.

Русский язык располагает огромным ассортиментом суффиксов, среди которых *-ит* отнюдь не самый частый. Но из 900 названий минералов 448 образованы с участием этого суффикса! Разница между такой частотой и малой общей вероятностью выражает избирательность. Нечленная форма с суффиксом *-ск* стала исключительно детерминативом топонимов, свободным от каких-либо других нагрузок (Иркутск, Ленинск, Комсомольск).

В казахском языке абсолютное большинство наименований растений образовано формантом *-ык, -ак, -ек* (*булдырык, жантак, еркек*).

Формант *-ика, -ника* образует большинство наименований ягодных растений в русском языке: *земляника, клубника, ежевика, брусника, черника, голубика, куманика, костяника*, диалектные — *серебрика* (шиповник), *пьяника* (голубика), *рябика* (рябина) и мн. др.; для ягодных кустарников преобладает *-ина* (*малина, калина, рябина, смородина, бузина*). Из всех наименований птиц формант *-к* (в формах *-ка, -ик, -ок*) образует в русском языке 34%, в польском — 49, в болгарском — 32%⁷.

Этимолог, игнорирующий формант, не только лишает себя важнейшего инструмента, но и обрекает себя на грубейшие ошибки. Достаточно представить исследование, не различающее слов *венок, венец, веник*. В славянских языках с их максимальной аффикальностью это особенно важно подчеркнуть. Недорого стоит прозрачная этимология основы в *бесноватый*, труднейшая самая главная задача этимологии в этом случае — выяснить, почему и как появились тут форманты *-н-ов-ат-*.

Яснее системность форманта, чем основ. Поэтому именно анализ форманта — часто наилучшая руководящая нить при этимологизации, обнаруживающая ряд, в котором возникло слово, и тем самым устанавливающая одну из осей для определения его координат. Войди слово *мусульманин* в русский язык сегодня, было бы *муслим*, как в арабском подлиннике;

---

⁷ Подсчет сделан по словарикам, приложенным к исследованию: O. Ferianc. *Slovenské názvoslovie vtákov*. Bratislava, 1958, материал которых все же недостаточен. Привлечение более обильного материала, несомненно, уточнит данные, но не изменит преобладания *-к-*.

совсем иным оно было бы, если бы вошло в славянские языки через Византию на заре ислама. Формант датирует заимствование и указывает маршрут, выдавая иранское посредство: ир. *муслиман*, где *-ан*, форма множественного числа, на славянской почве втянулось в ряд *-ане* (*славяне, крестьяне*) и получило вторичное единственное число *-анин*.

Невнимание к форманту неизбежно влечет ошибочную этимологию. Один анализ аффикса подчас дает верную этимологию. Статистическая работа над суффиксами славянских прилагательных выявила польский суффикс *-utk-* с диминутивным значением, соответствующий русскому *-еньк-*. Естественно предположить, что слово *малютка* — не *малют(а)ка* (от *малюта*, документированного лишь как личное имя), а субстантивация заимствованного польского прилагательного. И действительно, в польском обнаруживаем прилагательное *malutka* 'маленькая' — в ряду *jaśniutka* 'светленькая', *ładniutka* 'хорошенькая'.

VII. В плане семантическом все этимологии основаны на метонимии. Какими бы способами ни образовывалось новое слово, его значение всегда обусловлено значениями наличных слов, выражая ту или иную связь с ними.

При этом следует параллельно рассматривать и образование новых слов без внешних изменений (слово *совет* в значении 'орган власти'), и образование новых слов, отличающихся в обоих планах (*светлый* из *свет*), и образование «слов, разделенных пробелом» (*железная дорога*). В плане формальном их этимологии совершенно разнотипны, в плане семантическом различительны иные признаки и слова всех трех формальных типов окажутся однотипными, а формально однотипные принадлежат к разным семантическим типам.

Семантические связи, рождающие новое слово, многообразны.

Можно привести предложенные для них основные группировки:

Ж. Вандриес⁸

Сужение

—¹⁰

Метонимия

Метафора

А. А. Белецкий⁹

Сужение

Расширение

—

Метафора

Действительно, сужение и расширение значения часто оцутимы при образовании новых слов. Значения непрерывно

⁸ Ж. Вандриес. Язык. Лингвистическое введение в историю. Пер. с франц. М., 1937, стр. 212.

⁹ А. А. Белецкий. Принципы этимологических исследований (на материале греческого языка). Киев. 1950, стр. 34—38.

¹⁰ Ж. Вандриес не отрицал расширения, но не включил его отдельным видом. Он высказал мысль, что расширение реже, чем сужение.

изменяются в объеме. Но раз этот признак всеобщ, он не специфичен. Больше того! Каждое расширение значения есть одновременно сужение, как и наоборот, например *осел* 'глупец' из *осел* 'животное такого-то биологического вида' (никто не думает, что у называемого четыре ноги, хвост и пр.). Напрасны попытки свести этимологии к «расширениям» и «сужениям». Только как частный (и не слишком частый) случай они выступают в качестве главного отличия значения нового слова от исходного.

Различны отношения, выражаемые семантической связью возникающего слова с теми, от которых оно образовано. Сюда относятся и превращения нарицательного имени в собственное (*Новгород* из 'новый город', греч. *Леонид* из 'потомок льва'), и наоборот (*король*, *хулиган*, *монета*, *силуэт*), и такие отношения, как обладающий — обладаемое, изделие — мастер, материал — изделие и мн. др.

Сюда же принадлежит и синекдоха (перенос наименования с целого на часть: франц. *ротте* 'яблоко' из лат. *ротит* 'плод', этимология наименования *носорог*; реже обратное — наименование содержимого по содержащему: «съесть три тарелки»). Многие склонны резко отделять синекдоху от метонимии (правда, они имели в виду словоупотребление, а не словообразование, но справедливо рассматривать эти явления как степени одного процесса).

Неоправданно и обособление метафорической этимологии. Обычно противопоставляют метафорический перенос «по сходству» метонимическому переносу «по смежности». Но, как справедливо указали М. М. Покровский¹¹ и В. В. Виноградов¹², значение 'похожий на что' — в сущности модификация значения 'имеющий что', с той разницей, что имеющий обладает самим предметом, похожий обладает признаком предмета.

Будущая классификация этимологий в семантическом плане возникнет на иной основе. Сейчас важно понять вопреки схоластическим перегородкам: изменения значений¹³ принципиально едины — смена координат. Новое слово находится в иных смысловых отношениях с другими словами. Новое слово — смена координат в семантическом плане, а чаще и в плане формы. При этом степень отрыва от прежних связей различна.

---

¹¹ М. М. Покровский. Материалы для исторической грамматики латинского языка. М., 1898, стр. 38.

¹² В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947.

¹³ Принятое выражение «перенос значений» неточно. Во всех обозначаемых им случаях суть не в переносе значения, а в изменении значения при частичном или полном переносе формы. Если помнить об этом, то само выражение не опасней, чем «солнце заходит».

В одних случаях новое слово оказывается лишь окказиональным, а исходное могущественно и прочно. В письмах к нежно любимой жене А. П. Чехов ласково называл ее *собака*, но это осталось интимным словоупотреблением, не поколебав позиции слова *собака* даже в языке самого писателя. Таких случаев подавляющее большинство. Многие из них не ограничены языком индивидуума. В селах под Смоленском все говорят *в город, из города*, имея в виду не город вообще, а только Смоленск; вокруг Вологды *в город* означает всегда только 'в Вологду'. Но там и тут слово *город* живет и в общелитературном значении нарицательного слова, а местное значение — эмбриональная ступень нового слова. Только очень немногие образования поднимаются с этой ступени на следующую.

Если новое слово вошло в лексический состав языка, оно сосуществует с исходным на различных семантических координатах, далеких и даже непересекающихся: *глава* — *голова*. Иногда при таком сосуществовании близость формы поддерживает семантические связи нового слова с семантическим полем слова исходного, и такая переходность может даже длиться долго, но рано или поздно эти связи рвутся, и лишь этимологический анализ обнаруживает их.

Наконец, исходное слово может исчезнуть из языка — русский язык не знает этимологических предков слова *корова*.

VIII. На чем же основаны семантические превращения? Каким образом совершается переход от одного значения к другому?

Этимология основана на всеобщих взаимосвязях явлений, каждое из которых обладает бесчисленными гранями. Какой же именно из бесчисленных признаков объекта становится его именем? Конечно, самый главный! Но что значит главный? Для одних главным признаком коровы служило съедобное мясо, для других — молоко, а для третьих, не знавших ее пользы для питания, всего характерней казались ее грозные рога. Этимологическое исследование и решает, какому из многих признаков объекта обязано происхождением слово *корова*.

В русском языке, как и во многих других, *кислое молоко* отмечает признак кислоты, а венгерский язык предпочел метафору *aludtej* 'сонное молоко'. В основе латинского наименования женщины (*femina*) — идея 'кормить (грудью)', герм. *Weib*, как полагают, — 'трудиться', слав. *жена* — 'родить, род'; польск. *kobieta* 'женщина' В. Махек убедительно связывает со ст.-нем. *ga-beita* 'сожительница'.

Многочисленны слова, основанные на признаке, который нам не кажется главным. Возьмем примеры наиболее прозрачных этимологий. Если *слесарь* (нем. *schlüssel* 'замочник') легко оправдать исторически, то трудно понять, почему назвавшие *мебель* (франц. *meuble*) отметили именно признак подвижности

(лат. *mobilis*). Исп. *octava* 'вид перемежающейся лихорадки' как будто не связано со значением 'болезнь' или близкими к нему, 'восемь' в основе этого слова указывает лишь на периодичность приступов. В семантическом плане наименование для этой болезни могло образоваться на разных координатах: в ряду значений, выражающих температуру, характер боли, видимые наружные изменения тела (ср. *скарлатина*, *краснуха*, *желтуха*) и мн. др. — все это грани того же явления. Казалось бы, нет ничего общего между бесконечно далекими значениями 'восемь' и 'болезнь'. Но среди бесчисленных нитей всеобщей взаимосвязи явлений обнаружилась и эта. Новое слово заняло свое место в семантическом поле. Оно еще сохраняет связи со значениями 'семь' или 'девять', но для него уже властью другой ряд — наименования иных болезней. И если от него образуются производные, то они займут место уже на ином пересечении, уйдя с оси числительных, связь с которыми погасится, — развитие значения пойдет по оси 'болезнь' до пересечения с каким-то иным рядом значений.

IX. Мнимая безудержно-свободная капризность этимологий в семантическом плане в действительности подчинена жесткой избирательности, даже для самых смелых метафор.

Не случайно в языках очень различных семей и территориально далеких друг от друга оказываются этимологически родственными слова со значениями 'тысяча' (или 'миллион'), 'множество' и 'тьма'. Замечено, что в различных языковых семьях нарицательные географические термины в массе образованы из наименований частей тела или частей одежды — см. обильный материал по тюркским языкам¹⁴; в русском: *нос* 'мыс', *хребет*, *перешеек*, *пояс*, *рукав* (платья и реки), *устье* (из *уста*; ср. в германских языках: англ. *mouth* 'рот' и 'устье', нем. *Mund* 'рот' — *Münde* 'устье') и мн. др.

Ж. Вандриес привел множество примеров такой избирательности этимологий в семантическом плане, т. е. их семантической несвободы¹⁵.

Наконец, налицо такое связанно-групповое движение значений, которое исключает сомненья в том, что каждая отдельная этимология в семантическом плане обусловлена семантической системой:

Значения	Общеславянские	Древнерусские	Русские
'равнина'	<i>поле</i>		
'пахотная земля'	<i>село</i>	<i>поле, деревня</i>	<i>поле</i>
'населенный пункт'	<i>весь, село</i>	<i>село</i>	<i>село, деревня</i>

¹⁴ Э. и В. Мурзаевы. Словарь местных географических терминов. М., 1959, стр. 10.

¹⁵ Ж. Вандриес. Указ. соч., стр. 193.

— связанные между собой значения хронологически перемещались со ступени на ступень не поодиночке (пример отражает основную линию; действительность, понятно, была «пестрей»).

Внимательного и вдумчивого исследователя сам анализ языкового материала, а не предвзятая идея системности заставляет искать систему, властью которой только и возможно объяснить отдельные факты, непонятные порознь.

Х. Однако всем наглядно видна явная несистемность этимологий.

Наименования птиц в славянских языках и в семантическом плане, и в плане формальном выглядят весьма пестро. Одни из них указывают на внешний признак — цвет (*синица, горихвостка*) или голос (звукоподражательные — *кукушка, чечетка*), другие — на образ жизни (*буревестник, зимородок*), среди них характерны подчеркивающие, чем питается птица (болг. *осояд*, польск. *osoroja, rybołow*) и устанавливающие связь ее с определенным растением (*коноплянка, кедровка, ореховка, просянка, овсянка*). И формально названия птиц далеки от унификации. Преобладающему среди них форманту *-ка* (*коноплянка, славка, lenivka, копорка*) ни в одном языке не принадлежит абсолютного большинства, не говоря уж о монополии, даже если присоединить *-ок, -ек, -ик* (*чирок, кулик, rudzik, žížek*). Немало наименований птиц с суффиксом *-ица* (*синица, lastovica*), составных (*дубонос, шилохвост, kvetozob, krutihlav, trusichvost*) или со вторым компонентом отглагольным (*козодой, осояд, včelojed, osoroja*) и мн. др. А явные заимствования — *попугай, колибри!* При этом семантическая и формальная группировки не изоморфны: в той или иной семантической группе слова относятся к разным группам формальным и обратно. Где же во всем этом система?

Но даже и в такой пестроте все-таки несомненны определенные группы, отличающие наименования птиц от наименований растений. Выделяются и «ведущие» группы, в плане ли семантическом или в плане формальном. Ощутимы даже некоторые связи семантических и формальных групп. Для связи семантического и формального плана показательно наблюденье А. А. Белецкого: «Довольно часто при производстве глаголов от имен происходит расширение, а при производстве многих типов имен... от глаголов — сужение»¹⁶; субстантивация прилагательных сужает значенье, образование качественных прилагательных от существительных (обычно через ступень относительных), наоборот, расширяет.

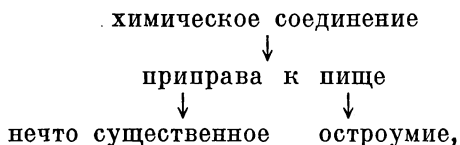
Словом, улавливаются несомненные черты этимологических систем, но каких-то разных, не образующих единой этимологической системы.

¹⁶ А. А. Белецкий. Указ. соч., стр. 37.

Еще в 1883 г. Н. В. Крушевский, не без связи с Бодуэном де Куртене, высказал замечательную мысль, не оцененную в свое время и непростительно забытую: «Все то, что известно в грамматиках под общим именем словообразования, представляет массу систем, не настолько выдающихся в необозримой массе слов, составляющих язык, чтобы быть замеченными при поверхностном наблюдении»¹⁷.

Приведенные поздние заимствования *попугай*, *колибри* показывают, как тематическая группа растет за счет слов, рожденных в разных системах. Многие, кажущиеся исконно славянскими, вошли из других языков (*пустельга* из тюрк. *посторгай* 'жаворонок'). Но по существу то же происходит и внутри одного языка. Наименования всех птиц не созданы единым актом, они складывались на протяжении длительного времени. А в разные периоды они образовывались иначе, так как системы перегруппировывались.

Ошибочно опрокидывать в прошлое современную систему, с точки зрения которой смешны и бессмысленны *восток*, *запад*, *восход*, *закат*. Другой пример. В русском языке сегодня слово *соль* выражает четыре главных значения, которые для нас образуют логически такую систему;

но совершенно ясно, что генетическая схема отличалась от нашей логической. Слово *соль* не родилось как обозначенье химического соединения — первичней *соль* только как приправа к пище. Слово *соль* возникло не в ряду наименований химических соединений, — такого ряда тогда не существовало. Возникни оно сегодня, оно было бы совсем иным. Каждое слово возникает только в определенной системе. Это положение позволило автору подойти и к топонимии как к системе¹⁸. Даже терминология новейшей отрасли науки или техники не сложилась в один день творенья, а несет в себе следы нескольких этапов становленья этой отрасли.

В свою очередь слова разных систем, втянутые в иную, в разной степени принимают те или иные черты новой для них системы (например, могут переменить грамматический род, подвергнуться переосмыслению и т. п.), но обычно сохраняют большинство признаков той системы, в которой возникли.

¹⁷ Н. В. Крушевский. Очерк науки о языке. Казань, 1883, стр. 45.

¹⁸ В. А. Никонов. Закон ряда в географических названиях. «Onomastica», VI. Wrocław — Kraków, 1958.

Система ли это? Но никому не придет в голову отрицать, что электрическая железная дорога — слаженная система, хотя идея тяги перенята у паровой дороги, само средство тяги — иной, не транспортной системы, рельсы применялись еще конной дорогой, а колесу тысячи лет. Этимологически все эти компоненты принадлежат другим системам, накладывая, конечно, свой отпечаток на новую систему, которая в свою очередь в разной мере деформировала их, приспособляя к требованиям новой системы.

Обязательно ли считаться с наличием частных систем в языке — например, отраслевых, тематических и т. д.? Этимология определенной лексической группы обладает своими специфическими закономерностями, без учета которых этимолог, оперируя лишь общеязыковыми критериями, впадает в неизбежные ошибки. Дело не только в том, что термины морского дела у нас в изоляции голландские, церковные — греческие, а музыкальные — итальянские. Хотя и это при этимологическом исследовании немаловажно, но еще важнее, что та или иная частная система обладает своими специфическими закономерностями. Любой анализ топонима вне топонимического контекста — бесплодное и вредное занятие, как всякое этимологическое упражнение над произвольно вырванным словом, изолированным от его системы.

Конечно, частные этимологические системы не замкнуты наглухо, они входят в общую систему языка и переплетаются с другими частными системами его. Но общеэтимологические закономерности преломляются в них специфически и возникают собственные внутренние закономерности. Наличие таких частных систем еще более усиливает обманчивое впечатление этимологического «разброда» в языке, тогда как могло бы служить подступом к пониманию системы.

Кажущаяся несистемность этимологии — не хаос капризных случайностей, а исторический результат борьбы многих развивающихся, сталкивающихся и взаимопроникающих систем, результат не застывший, а находящийся в движении. Но этим этимология не отличается от любой другой системы: неподвижных систем нет.

XI. Хотя слово всегда возникает по законам языка и из наличных средств языка, но, не выходя за пределы языка, нельзя понять этимологии ни одного слова. Почему для папиросы (в русском через польский — *papieros*) главным признаком при назывании оказалась бумага, а не назначение, не табак и не цилиндрическая форма? Достаточно представить, зачем потребовалось само слово: в отличие от имевшихся способов куренья в трубке, самокрутке и т. п. стали употреблять табак в бумажной гильзе; новое в этом не куренье, не табак, а бумага — именно этот признак и содержал главную информацию.

Чтобы ответить на вопрос, с чем сравнивали, создавая слово, необходимо знать условия, в которых слово возникло. Без знания этимологии нет этимологии.

Тщетно биться над разгадкой этимологии франц. *grève* 'забастовка', даже при правильной связи с *grève* 'песчаный берег', если не знать, как родилось *faire grève* 'бастовать': бастующие толпились на Гревской площади Парижа, которая получила название, когда еще была песчаной. Английское слово *Alsation* означает 'должник' и 'эльзасец' не потому, что в глазах англичан все эльзасцы — злостные должники, а от названия лондонского квартала *Alsation* (Эльзас), где в XVI—XVII вв. среди преступников находили себе убежище должники.

Внеязыковые процессы обусловили, что наименования каш старше наименований хлеба: в таком порядке человечество знакомилось с этими видами пищи¹⁹. Этимология, не опирающаяся на такое знание, висит в воздухе. Учет реалий продиктовал О. Н. Трубачеву исправление данной М. Фасмером этимологии *сычуэ*²⁰, и такие примеры обильны.

В языке хауса 'радуга' называется *bakan gizo* 'лук паука'. Какая сложная система понятий обусловила эту метафору! Назвать радугу луком мог лишь охотничий народ, приписать этот лук пауку мог лишь народ тропиков, где пауки огромны и опасны (иначе они не заняли бы такого места в мифологии).

Полемизуя с моей работой, утверждавшей обязательность этимологической базы в этимологии²¹, чешские лингвисты отстаивают примат этимологии, видя в ней основу этиологии, первый шаг к ней, и признавая, что этимология без этиологии недостаточна²². При таком согласии в главном спор о том, с чего начинать, отступает на второй план.

Внеязыковые факторы движут, сталкивают и изменяют этимологические системы. Ключ к каждой системе — не в ней самой, а вне ее.

Но внеязыковые факторы проявляются в языке лишь опосредствованно, по внутренним законам языка.

XII. На Черновицкой конференции 1960 г. Н. Ф. Пелевина доложила о применении теории вероятностей к этимологическим исследованиям²³. Сославшись на недавние работы Дж. Грин-

¹⁹ О. Н. Трубачев. Из истории названий каш в славянских языках. «Slavia». Praha, 1960, seš. I, стр. 1—30.

²⁰ О. Н. Трубачев. Об этимологическом словаре русского языка. — ВЯ, 1960, № 3, стр. 68.

²¹ V. I. N i k o n o v. L'étymologie? Non, l'étiologie! «Revue Internationale d'Onomastique». Paris, 1960, № 3.

²² «Zpravodaj Místopisné komise ČSAV». Praha, 1961, № 4, стр. 226—227 (ред. Вл. Шмилауэр и Ян Свобода).

²³ Н. Ф. Пелевина. Установление этимологического тождества с помощью умножения вероятностей. «Питання прикладної лінгвістики». Чернівці, 1960, стр. 38—40.

берга (Чикаго), она забыла о Е. Д. Поливанове, который еще за три десятилетия до Гринберга предложил математическую формулу для проверки надежности этимологий²⁴. Е. Д. Поливанов настаивал приложить теорию вероятностей «к определенной относительной вероятности этимологий — как достоверных, так и гипотетических, наконец, фантастических». Он привел известный пример: санскр. *śatam* и лат. *centum*, оба со значением 'сто'. Каков здесь шанс случайности? Если мы знаем только одну единственную параллель, этот шанс выражается как $\frac{1}{x}$. Но такое же соответствие находим и в слав. *sto*, авест. *satəm* и др. Обозначим количество таких языков через y . Теперь вероятность случайного совпадения выразится уже $\frac{1}{x \cdot y}$. Далее: соответствие санскритского *ś* латинскому *s* не ограничена одним примером, есть санскр. *śva* и лат. *canis* 'собака'; если таких параллелей в обоих языках найдется по 30, то вероятность совпадения еще уменьшится до $\frac{1}{x \cdot y \cdot 30}$. Но соответствие распространяется и на другие элементы обоих языков: во всех сравниваемых словах санскритскому *a* соответствует латинское *e* и т. д. Если таких примеров наберется 20, то вероятность случайного совпадения выразится совсем ничтожной величиной $\frac{1}{x \cdot y \cdot 30 \cdot 20}$. Следовательно, соответствие не случайно.

В докладе Н. Ф. Пелевиной средствами теории вероятностей показано, что параллельность семантических отношений пары *косой* — *коса* с парой *кривой* — *кривуша* — этимологическая связь, а не случайное совпадение.

Это только первые шаги, от которых неблизко до решения этимологических задач электронно-вычислительной машиной, да при всей ценности математических методов в этимологии, разработка которых еще впереди, систему этимологии раскроют, может быть, и не они.

В. Н. Топоров различает этимологические факты, поддающиеся единственно вероятностному анализу, от анализируемых эффективней иными методами: «И в диахроническом плане выявляется серия строго обусловленных и однозначно объясняемых изменений и серия явлений в двух смежных средах, не поддающаяся установлению однозначной связи и доступная исключительно вероятностному анализу. При реконструкции исторического состояния языка при постоянном уменьшении наших сведений о детерминированной части увеличивается значение вероятностных заключений. Несомненно, что введение вероятностных индексов при каждой реконструированной форме

²⁴ Е. Поливанов. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. М., 1931. стр. 177—181.

позволяет в принципе дать более строгую картину восстановления исчезнувших систем (в фонологии, в морфологии, в синтаксисе) при решении целого ряда этимологических проблем, пока в основном не связанных с системным анализом. Такой путь предельно сузил бы возможности субъективных заключений; при нем каждая реконструированная система или отдельные ее части вплоть до форм представляли бы собой некое исчисление вероятностей, предусматривающее все ответы, возможные в данной теории. По существу, речь шла бы о реконструкции возможных алгоритмов утраченных форм. Конечно, в целом ряде случаев такая вероятностная реконструкция оказалась бы (особенно при теперешнем состоянии науки) крайне неэкономной, поскольку мы все еще не обладаем достаточными познаниями в области лингвистической типологии и не вполне усвоили вероятностные правила игры импликаций на разных уровнях языка. Однако уже сейчас высокая степень избыточности устанавливаемых вероятностных реконструкций компенсировалась бы тем, что сразу же стали бы ясны очень многочисленные случаи, когда восстановление той или иной формы или решение этимологии данного конкретного слова оказалось бы вообще беспредметным в силу отсутствия сколько-нибудь надежных исходных данных, из-за практически бесконечного количества решений или просто из-за того, что применительно к данному языковому факту вопрос был поставлен неверно»²⁵.

Во всяком случае пока нет оснований для борьбы этих методов. Ведь и о системе этимологии не могло бы идти речи, не будь достигнутого этимологическими разысканиями на традиционных путях, возможности которых далеко еще не исчерпаны и сегодня. Но они поднимутся на новую ступень, если, сохраняя свой богатый и тонкий инструментарий, не ограничатся изолированными этимологиями, а подойдут к анализу их системы.

---

²⁵ В. Н. Топоров. О введении вероятности в языковедение.—ВЯ, 1959, № 6, стр. 33—34.